

Иехезкель Добрушин в Биробиджане

7 мая 1934 года Президиум ВЦИК постановил преобразовать Биробиджанский национальный район Дальневосточного края в Еврейскую автономную область (ЕАО). Хотя евреев-переселенцев в общем составе населения было не очень густо (только в 1939 году их число достигло 16,2%), шолом-алейхемовские "люди воздуха" из бывшей черты оседлости стали стекаться на этот кусок не совсем благодатной, скорее, суровой земли в надежде обрести там свой национальный очаг.

В разные годы приезжали сюда в качестве гостей и в творческие командировки многие еврейские писатели разных калибров и жанров, в результате чего появлялись произведения в прозе и поэзии о неведомом доселе крае. Например, некоторые из творческих личностей прибывали сюда лишь на короткое время: Довид Бергельсон, Шмуэл Галкин, Перец Маркиш, Йосеф Рабин, Меер Альбертон, Тевье Ген, Арон Кушников, Иехезкель Добрушин, Гирш Добин, Хаим Мальтинский, Шмуэл Гордон, Менахем Кадишевич, Мойше Хашеватский, написавший книгу очерков "А райзэ кэйн Биробиджан" ("Путешествие в Биробиджан", 1937) и пьесу "Тайга" (1940). Впрочем, это далеко не полный список еврейских писателей, так или иначе "отметившихся" в Биробиджане. Другие, как Эммануил Казакевич, Исроэл Эмиот, Бэр Слуцкий, Арон Вергелис, Макс Риант, Хаим Бейдер - надолго, и лишь считанные - Бузи Миллер, Гешл Рабинков, Сальвадор Боржес, Люба Вассерман, Ицик Бронфман, Нохем Фридман остались здесь навсегда.

В упомянутой плеяде еврейских литераторов видный еврейский прозаик, поэт, драматург, критик, театровед и публицист профессор Иехезкель Добрушин (10 декабря 1883, с. Мутин, Черниговская губерния - 11 августа 1953, ст. Абезь, Коми АССР) стоит особняком.

Родился в семье состоятельного лесоторговца. Частные учителя обучали его русскому и древнееврейскому языкам. В 1902 году выехал во Францию, окончил юридический факультет Сорбонны, возглавлял в Париже местную организацию сионистов-социалистов. Тяжело заболев, вынужден был в 1909 году вернуться домой.

Сейчас мало кому известно, что первые шаги Добрушин сделал еще в 1912 году, его дебютом стала книжка стихов. Следует заметить, что почти все произведения Добрушина, независимо от жанра, насыщены поэтическим языком. Это чувствуется не только в его пьесах и инсценировках, но и в критических и литературоведческих статьях. Первые работы он посвятил творчеству Ицхока-Лейбуша Переца. С 1920 года жил в Москве, редактировал журналы "Штром" ("Поток", 1922-1924), "Клинг-кланг" ("Перезвон", 1923), "Юнгвалд" ("Поросль", 1924-1927), "Пионер", 1927-1928), альманах "Советиш" (1934-1941), газету "Эйникайт" ("Единение", 1942-1948). Автор книг о деятелях еврейской культуры С. Михоэлсе, В. Зускине, Д. Бергельсоне, также исследовал еврейский фольклор. К тому же в 20-е и 30-е годы работал литературным консультантом московского ГОСЕТа, для которого писал оригинальные пьесы и инсценировки произведений еврейских классиков.

В разгаре борьбы с "космополитами и шпионами" Добрушина арестовали (в феврале 1949 года) и по приговору военной коллегии Верховного Суда отправили на север, где уже отбывали наказание политзаключенные, - где-то между Интой и Воркутой. Там от невыносимых условий труда в шахте и болезней, уже после смерти Сталина, и скончался профессор Добрушин.

... Среди делегатов московских еврейских писателей, прибывших на Первый съезд Советов Еврейской автономной области, был и Иехезкель Добрушин. Ему тогда шел пятьдесят первый год, и он находился в расцвете своей многожанровой литературной деятельности.

18 декабря 1934 года среди ораторов, приветствовавших открытие Первого съезда Советов ЕАО, был и Добрушин, которому предоставили слово сразу после того, как начались выступления. От имени коллектива московского ГОСЕТа он приветствовал трудящихся области. Его речь началась так: "Историческому Первому съезду Советов Еврейской автономной области я привез пламенный привет от московского ГОСЕТа и личный сердечный привет от заслуженных артистов, товарищей Михоэлса, Зускина и Пульвера".

В этом письменном обращении, переданном коллективом театра Добрушину, были и такие слова: "Мы уверены, что съезд построит фундамент для дальнейшего политического, экономического и культурного расцвета Биробиджана. С чувством радостной взволнованности и с глубокой ответственностью мы воспринимаем каждую вашу победу, каждое ваше достижение... Мы заверяем вас, что тема вашей героической борьбы за новую жизнь еврейских народных масс найдет свое правдивое отображение в наших творческих работах. Московский ГОСЕТ готов всеми своими имеющимися возможностями оказать помощь Биробиджану для его культурного расцвета...".

Добрушин имел полное право выступать и говорить от имени ГОСЕТа - в течение многих лет он был литературным консультантом этого, бесспорно, лучшего в стране еврейского художественного коллектива, на нем "висел" основной репертуар театра - готовил ряд великолепных инсценировок по произведениям классиков - Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Ицхока-Лейбуша Переца. Совместно с Довидом Бергельсоном написал пьесу "Биробиджан", которая была опубликована в альманахе "Форпост".

Несколько дней писатель провел в Биробиджане, исходил каждую улицу и проулок, беседовал с людьми, записывал их рассказы, набирался впечатлений. Вернувшись в Москву, он опубликовал очерк об увиденном и услышанном под названием "Дэр эрштэр советн-цузамэнфор ин дэр идишер автономэр гэгнт" ("Первый съезд Советов в ЕАО"), в котором передал обстановку, царившую в городе во время этого события.

"Когда солнце мгновенно спряталось за сопкой, кажется, в Биробиджане темней не стало. В середине неба огромным колесом странно висела Луна и мазала, словно известью, бесконечный небосвод, который выглядел столь же белым и чистым, как заснеженная внизу земля. Обыкновенная, удивительная биробиджанская ночь... На площади, возле здания местного ГОСЕТа, созданного в 1933 году в соответствии с планом культурного строительства, в ожидании митинга, который вот-вот должен был состояться, собирался народ. На самой верхотуре, на балконе театра уже несколько раз появлялся человек с непокрытой головой, проверяя, вероятно, можно ли оттуда при таком холоде обращаться вниз, к прибывающим в зал делегациям..."

Так писал в упомянутом выше очерке Иехезкель Добрушин. Вот, например, образ пожилой женщины в полушубке, рассказывающей, чем ее "взял" Биробиджан и чем занимается здесь вся ее огромная семья - муж-плотник и пятеро детей. Один из сыновей трудится на фабрике, второй - строит дома, третий работает на известковом заводе, две дочки учатся. "Нам хорошо здесь, и край этот мы полюбили. Страна заботится о нас, и мы не боимся завтрашнего дня. Мне есть что дать стране - вот моя семья, она стоит здесь перед вами, все пришли на этот праздник..."

Такая вот пафосная речь, типичная для той эпохи.

В очерке И. Добрушина есть одна своеобразная деталь, которой нет в описаниях съезда у других авторов: "Через весь зал проплывает огромная, 15-пудовая рыбина, которую выловили колхозники рыбной артели и преподнесли в дар Первому съезду Советов. Десять человек несли на руках диковинную рыбу, уложив ее на пол возле трибуны - большое, трепыхавшееся, живое свидетельство несметных богатств этой земли".

Читая эти строки, невольно на ум приходят другие - из стихотворения, написанного юным бесшабашным Эмкой Казакевичем в ту пору, когда он председательствовал в одном из тамошних колхозов:

...Плещется рыба –

Белая глыба.

Потом по спинам –

Течет путина.

Жди, жена, -

Нам рыба нужна...

("Песня о рыбалке", перевел Владимир Костров).

Не менее удивителен был разговор писателя с одним из делегатов съезда - колхозником из села Валдгейм. Отдельный очерк написал Добрушин об областном центре, который так и назвал: "Город Биробиджан". Яркими, колоритными художественными средствами он рассказал о маленьком полустанке, который местечковые евреи с картин Шагала превратили в расцветающий город.

Диковинная, сюрреалистическая картина ночного Биробиджана будет преследовать писателя и дальше, и он еще не раз вернется к биробиджанской теме. Добрушин напишет разные по объему произведения, которые будут служить свидетельскими показаниями того времени, когда первый областной съезд советов в декабре 1934 года как бы завершил оформление еврейской автономии.

...Далеко еще было до войны, и когда в Крыму появились еврейские колхозы, еврейские села, Иехезкель Добрушин, пропадая среди крестьян с библейскими лицами, искренне, с любовью писал об их жизни, быте. Как бы в знак благодарности один из новых поселков был тогда же назван в честь еврейского писателя его именем - Добрушино. Этот поселок существует до сих пор. Давно уже в заснеженных сибирских даях затерялась безымянная гулаговская могила Добрушина, давно уже нет в Крыму евреев-колхозников, как нет их сейчас и в самой ЕАО, где у властей, как говорится, еще

"не дошли руки" назвать хотя бы одну из городских улиц, по которой когда-то ходил и восхищался увиденным Иехезкель Добрушин, чувствуя себя сопричастным ко всему, что там происходило...